

ВРЕМЯ

Посвящаю эту книгу моей обожаемой семье, ради которой я живу; моим друзьям, ведь они дарят мне столько тепла; коллегам-артистам — они остаются настоящими людьми, пройдя все искушения и вызовы популярности.

Благодарю блистательного адвоката, человека с выдающимся чувством юмора, редкого семьянина, чуткого друга Павла Астахова. Именно он стал творческим вдохновителем моих мемуаров

Михаил Грушевский

**ВРЕМЯ
СОБИРАТЬ**

груши

Издательство АСТ
Москва

УДК 79
ББК 85.3
Г91

Дизайн обложки *Анны Якуниной*
В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

Грушевский, Михаил Яковлевич.

Г91 Время собирать груши / Михаил Грушевский. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с.; ил. — (Современная биография).

ISBN 978-5-17-162595-5

Михаил Грушевский — эстрадный актер, юморист и пародист. Кудесник словоформ и различных перевоплощений, способный превратить любое мероприятие в необыкновенный концерт, уникальное событие. Ему подвластны любые образы и характеры.

Точные пародии на актеров, общественных и политических деятелей Грушевского знают и любят все. Он — чуткий индикатор времени, человек с блестящим слухом, мастер с неумемной энергией и потрясающим талантом, каких мало. Человек, который влюбляется в людей и не стесняется это показать.

Но каков же путь артиста? Тернист он или легок? Какую цену приходится платить за дар от Бога?

Эта книга расскажет о детстве, юности и о сегодняшнем дне актера. О его окружении. О внутренних камертонах — образовании, семье, профессии. О правилах жизни и их исключениях. О большой, настоящей любви.

УДК 79
ББК 85.3

© Грушевский М.Я., 2024

© Астахов П.А., 2024

© Бабаев Р.Ю., 2024

© Бутман И.М., 2024

© Винокур В.Н., 2024

© Грушевская Е.Е., 2024

© Дибров Д.А., 2024

© Лещенко Л.В., 2024

© Любимов А.М., 2024

© Третьяк В.А., 2024

© Шуфутинский М.З., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-162595-5

Часть первая

РАННИЕ

группы

МОЕ РОЖДЕНИЕ И МОИ РОДСТВЕННИКИ

В «Википедии» значатся два Михаила Грушевских. Один — политический деятель Украины, профессор Львовского университета, основатель украинской научной историографии. Он умер в 1934 году, и в разных городах Украины ему установлены памятники. Я уже не говорю о том, что он изображен на 50-гривневой купюре. Раньше во время гастролей люди в шутку просили: «Распишитесь на своей банкноте». Никакие родственные узы меня с этим человеком не связывают, а украинские корни — да, есть. Бабушка по маминой линии была из Киева, а дедушка — из Одессы.

Я же появился на свет 29 декабря 1964 года в Москве. То есть за два дня до Нового года. Ну что тут поделаешь! Я жертва обстоятельств. Кстати, покойная матушка всегда благодарила меня, что не стал тянуть, иначе бы ни одного трезвого доктора не оказалось. В общем, говорила, что сын у нее сознательный. Так оно и есть. У меня повышенное чувство ответственности и щепетильность во всем. Но, конечно, дата дня рожде-

ния создает определенные сложности. Помню, как несколько лет назад в свой день рождения вел концерт в каком-то министерстве. Статусная новогодняя программа, хорошие артисты... В самом начале меня поздравили. Но из-за пробок многие опаздывали и не знали этого. Получалось комично: каждый вновь прибывший выходил на сцену и чествовал Грушевского... К концу мероприятия у зала была истерика. На двадцатом человеке, который спросил: «А вы в курсе, что сегодня за день?» — зрители закричали: «Знаем, знаем, давайте дальше!»

Когда я родился, мы жили на Чистопрудном бульваре. Это была, естественно, коммуналка. Дом, рядом с которым сейчас легендарный театр «Современник», а тогда был не менее легендарный кинотеатр «Колизей». Этот дом сейчас стоит на своем месте. Как ни странно, его не снесли.

Наиболее яркое воспоминание из детства, конечно, сами Чистые пруды. А точнее — каток, потому что все-таки это музыка, это атмосфера, особенно в новогоднем обрамлении. И еще помню из детства индийский ресторан или кафе, которое стояло во главе пруда. По-моему, его уже нет.

Смутно помню картинки из детства: как мама ведет меня из детского сада, как мы обсуждаем события дня в детском саду. А еще — но это уже больше с маминых слов, — она мне рассказывала про мою привычку разговаривать с памятником Александру Сергеевичу Грибоедову (слава богу, он сейчас на месте). По словам моей мамочки, светлая ей память, я подходил к памятнику Грибоедову и говорил: «Здравствуйте, дяденька Александр Сергеевич Грибоедов». Почему

я именно его в качестве собеседника выбирал, сейчас понять сложно, но именно Грибоедову я рассказывал о своих достижениях. Что отвечал мне Александр Сергеевич, история умалчивает.

Помню, что я очень любил декламировать. Детская память, конечно, удивительная вещь, но точно помню, как я в троллейбусе рассказывал «Дед Мазай и зайцы». Мама меня проверяла. Наверное, это было в начальных классах школы. Начал с того, что рассказывал маме, но потом и весь троллейбус подключился, потому что в какой-то момент я декламировал уже для всех пассажиров.

Или вот еще какие-то вспышки. Помню жизнь на Чистопрудном бульваре, примерно помню квартиру на третьем этаже. А на четвертом жила тетя Света — она ушла из жизни лет десять назад. Это была мамина подруга, с которой они дружили 76 лет, с маминого практически рождения. Они подружились и эту дружбу пронесли, собственно, до маминого ухода из жизни. И я любил бывать у тети Светы, потому что она меня подкармливала шоколадными конфетами, которые я обожаю, и она для меня была как вторая мама — у нее не было семьи, не было детей, и тетя Света относилась ко мне, наверное, как к своему ребенку, баловала и всячески заботилась.

Воспоминания о Чистопрудном бульваре накладываются у меня еще и на то, что я в школьные годы пошел в шахматную секцию, которая располагалась рядом. Это был Дворец пионеров имени Крупской, и находился он, собственно, в тех краях. Наверное, у меня происходит наложение уже более осознанного школьного времени, потому что я сам на метро ездил от метро

«Щербаковская» на станцию метро «Тургеневская» (она же «Кировская») и ходил в ту же секцию. Трудно отделить воспоминания школьных лет от того периода коммунальной квартиры.

В 1969 году с Чистопрудного бульвара судьба меня перебросила вместе с моей семьей в район Проспекта Мира. На северо-восток столицы нашей родины, тогда станция метро там «Щербаковская» называлась. И вот на Маломосковской улице прошли примерно тридцать три года моей дальнейшей жизни.

Я так и не выяснил, кто такой был этот Щербаковский. Или Щербаков. По-моему, какой-то революционный деятель. В 1991 году «Щербаковская» в один день стала «Алексеевской». Тогда все оптом переименовали, пострадали даже и Чехов с Горьким, и многие под руку попались. Ну, я не знаю, был ли в этом большой смысл, но то, что касалось сомнительных революционных деятелей, наверное, да, а то, что касалось деятелей русской культуры и искусства, может быть, это уже было *«too much»*, как говорим мы, жители Проспекта Мира, диалект у нас такой.

Почему мы переехали на Маломосковскую? Отдельная квартира, расселение коммуналок — наверное, это было как-то взаимосвязано. Мой дедушка по маминой линии, Мирон Исаакович, получил квартиру на работе. Он трудился в организации, которую тогда принято было называть «почтовый ящик» — оборонное предприятие, работавшее на космическую отрасль.

Мой дедушка — уникальный человек. Он был одессит, человек с фонтанирующим чувством юмора. У него были такие заготовки на все случаи жизни, что он отдельными конструкци-

ями мог на любом празднике рассмешить собравшуюся публику. Человек, имевший три класса образования, работал в серьезном «почтовом ящике» и занимался там снабженческими делами. Наукой он никогда не занимался, но за счет темперамента, чувства юмора и умения коммуницировать (я считаю, что своими лучшими качествами я ему обязан) он был незаменимым человеком. Мне рассказывали, что академик, который возглавлял это НИИ, говорил: «Пригласите Эйдельзона, у нас совещание зашло в тупик». Все переругались, а это значило — зовите моего дедушку. И вот заходил Мирон Исаакович, рассказывал несколько баек или анекдотов, и как-то вселенские вопросы космической науки сдвигались с мертвой точки. Мирон Исаакович вносил такой оживляя в их нудные заседания.

Дедушка умер в 1986 году и был моим героем. Повторюсь, он был одесситом и говорил исключительно прибаутками. У него не было нейтральных фраз, и, кстати, именно дедушке я обязан одним своим профессиональным качеством — у меня громкий голос. А все дело в том, что дедушка в войну переболел тифом и очень плохо слышал, а слуховые аппараты он ненавидел. Они его бесили. А еще больше его бесило, когда при нем говорили тихо, и ему казалось, что от него что-то хотят скрыть. Поэтому дома мы все говорили громко.

Дедушка родился в 1905 году, он был из очень бедной еврейской семьи. Практически нищей. А вот бабушка моя, Софья Моисеевна, родилась в Киеве, а она была из довольно зажиточной семьи архитекторов. Когда бабушка с дедушкой по-

любили друг друга — это был такой финансовый мезальянс, что семья бабушки чуть ли не с проклятиями по отношению к этим намерениям отнеслась. В итоге они сбежали в Москву, дедушка оказал на меня большое влияние, и его одесский взгляд и предрасположенность к юмору сыграли очень важную роль в моей жизни.

И, кстати, удивительная история... Она, с одной стороны, конечно, про мою семью, а с другой стороны — про советский менталитет. Интересно то, что я это узнал лет семь тому назад, на Востряковском кладбище, когда мы у нашей семейной могилы оказались вместе с моим дядей Александром Мироновичем Эйдельзоном. Он мне вдруг сказал:

— А ты знаешь, что дед сидел?

То есть не то что при жизни деда, но даже после его ухода (а дедушки не стало в 1986 году), видимо, по советскому менталитету было правильным такие истории вообще не рассказывать. И вот прошло безумное количество десятилетий, и вдруг мой дядя рассказал о том, что после войны дед был по доносу арестован и оказался в лагере. Подробностей то ли сам мой дядя не знал, то ли он не стал в них вдаваться, но интересно тут вот что. Дедушка мой был одессит. И он, скорее всего, не пережил бы этот лагерь. И вся история нашей семьи могла бы на этом оборваться, и этой книги бы не было, потому что никто бы не праздновал свое 60-летие, не готовился бы к нему. Но начальником лагеря оказался один татарин, тоже родом из Одессы. Удивительность этой истории заключается в том, что, перебирая списки зеков, он наткнулся на фамилию Эйдельзон. Вообще в советское время считалось, что такая

одиозная фамилия мешает в жизни, как-то слишком раздражает. А тут она, получается, спасла жизнь моему дедушке, потому что этот начальник лагеря подумал: «А не тот ли это одессит Эйдельзон, которого я знаю?» И он приказал привести деда к себе.

Они действительно были по Одессе знакомы. Мой дедушка, будучи классическим еврейским мужчиной, никогда не страдал комплексом национальной обособленности. Для него не было национальностей, и друзья у него были самые разные — русские, армяне... И оказалось, что у него был такой приятель татарин, который и был начальником этого лагеря. Он вызвал его и спросил:

- Мирон, это ты?
- Ну да, вот так сложилось.
- Ты тут погибнешь...

А там лес рубили, были очень тяжелые работы. И он поставил дедушку на какую-то должность в библиотеку или писарем. Короче, что-то придумал, чтобы Мирон Исаакович не сгнил на этих каторжных работах. Практически этот одессит-татарин спас дедушке жизнь.

Фантастика! В итоге дедушка отсидел несколько лет, а потом его освободили по хрущевской амнистии. У него сначала было ограничение, черта оседлости, по-моему, 101-й километр, а потом и это сняли. И он работал в почтовом ящике, и жизнь пошла своим чередом. Все как бы нормализовалось. Единственное, что ему не давали, — в партию вступить. Он попытался было, но его обложили какими-то лютыми вопросами, и он сказал: «Слушайте, вас много, а я один. Давайте, партия не обеднеет без Эйдельзона».

Вот такая история... И у нас в семье ее боялись рассказывать. Даже моя мама, которая тоже наверняка это знала, уходя из жизни, не поведала ее мне. И только Александр Миронович поделился. Оказывается, это была семейная тайна. Почему нельзя было хотя бы в 90-е годы рассказать? Боялись. Не знаю почему...

Моя мама, Инна Мироновна, — москвичка, а вот отец — из ближнего Подмосковья родом. Сейчас, правда, это уже тоже Москва. Инженерная была семья. Мамочка моя проработала всю жизнь на заводе «Манометр». Сорок четыре года! Она экономист по образованию и дошла в карьере до начальника планово-экономического отдела, что в советские годы было очень и очень круто, ведь все в общем-то на плановой экономике держалось.

Да, мама была начальственной женщиной, и ее руководящая хватка иногда переносилась и на домашнюю почву. Папа был инженер, он даже прошел один год войны и имел награды. Но, к сожалению, так сложилось, что родители достаточно быстро после моего появления на свет расстались, и поэтому роль отца в моей жизни, к сожалению, не была столь значимой.

Он ушел, и был большой перерыв в общении. Возможно, это была обида на мою маму, и из-за этого расставания переносились на меня. Но потом он возобновил со мной общение. Я обожал шахматы, занимался в шахматной секции и даже участвовал в сеансе одновременной игры против Анатолия Карпова, который только стал чемпионом мира. Он тогда очень много проводил турниров и очень много занимался воспитанием детей и вот приехал к нам во Дворец пионеров.

Мой отец тоже очень любил шахматы, и когда мы возобновили с ним общение, а я уже учился в классе четвертом или пятом, нас объединили именно они. Мне очень важно было иметь такой тренинг, ведь отец играл очень прилично, и это нас сблизило.

Большую часть детства меня растила мама. Однако она вышла замуж вновь, и отчим оказался строгим, он воспитывал меня, уделяя много времени дисциплине. Детство было нелегким, однако это не помешало мне оставаться общительным и дружелюбным.

Я вообще человек с интересным жизненным опытом с точки зрения семейной жизни. Моя мамочка, которой я безумно благодарен и обязан всем добрым в своей жизни, в этом плане была примером жертвенности. Есть такой расхожий типаж — еврейская мама. Мне кажется, Инна Мироновна соответствует этому образу, потому что она развелась с моим отцом, который, на ее взгляд, не соответствовал критериям отцовского внимания к семье и к сыну. И второй раз в жизни у моей мамы случился развод, уже с отчимом. Да, отчим был достаточно своеобразным человеком, с весьма деспотическим подходом к воспитанию — и собственного родного сына, и меня, своего пасынка. То, что он делал, с элементом юмора можно назвать «физическими замечаниями», то есть он очень часто применял грубую физическую силу в качестве меры убеждения.

Надо сказать, что ко мне он относился как к родному, то есть избивал душевно, как и собственного сына. Да и его сын, который был меня старше на пару лет, впитал отцовскую жесткость, переходящую в жестокость. И именно это